

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023070040

EDN: GJOAQC

Сценарии взаимоотношений в «большом треугольнике» в нынешней геополитической ситуации

А.С. Давыдов

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д.32.

РИНЦ ID: 250309 e-mail: davydov@iccaras.ru

Резюме. Автор полагает, что турбулентность складывающегося ныне мироустройства обусловлена резкой конфронтацией между сторонами «большого треугольника» – США, с одной стороны, и взаимодействующими Китаем и Россией. Ситуация в последнее время обостряется всё больше из-за усиления боев на Украине, где российской спецоперации фактически противостоит НАТО, прикрываясь вооружёнными силами Киева. Тревожит и обстановка в Тайваньском проливе, серьёзно ухудшившаяся в связи с провокационными шагами со стороны властей острова, подталкиваемых руководством США к нарушениям действовавших с КНР договорённостей.

В целом мир переживает период острого противостояния цивилизационных систем в парадигме «Восток-Запад», связанного с определением и выбором модели будущего мироустройства в диапазоне от монополярной до многополюсной.

Ключевые слова: КНР, США, Россия, «большой треугольник», геополитическое соперничество, мироустройство.

Для цитирования: Давыдов А.С. Сценарии взаимоотношений в «большом треугольнике» в нынешней геополитической ситуации. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53(7) 49-58. DOI: 10.31857/S2686673023070040

EDN: GJOAQC

Scenarios of Relationship in the “Big Triangle” in the Current Geopolitical Situation

Andrey S. Davydov

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation.

РИНЦ ID: 250309 e-mail: davydov@iccaras.ru

Abstract: The author believes that the turbulence of current world order is due to a sharp confrontation between the parties of the so-called “big triangle” – the United States, on the one hand, and interacting China and Russia. The situation has recently become more and more aggravated due to the intensification of fighting in Ukraine, where the Russian special operation is actually opposed by NATO, hiding behind the Ukrainian armed forces.

The situation in the Taiwan Strait is also worrying and has seriously deteriorated due to provocative steps on part of the island’s authorities, pushed by the US leadership to violate the agreements in force with the PRC.

In general, the world is going through a period of acute confrontation between civilization-al systems in the East-West paradigm, associated with the definition and choice of a model of the future world order in the range from monopolar to multipolar formats.

Keywords. China, USA, Russia, “big triangle”, geopolitical rivalry, world order

For citation: Davydov, A.S. Scenarios of Relationship in the “Big Triangle” in the Current Geopolitical Situation. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 49-58. DOI: 10.31857/S2686673023070040 EDN: GJOAQC

ВВЕДЕНИЕ

Взаимоотношения в «большом треугольнике» КНР – США – Россия – лишь часть ещё не сформировавшегося, только складывающегося, а потому турбулентного нового мироустройства. И эта незавершенность определяет, в том числе, и нестабильность в нём. Претендуя на роль мировых лидеров, каждое из государств – сторон «треугольника» преследует свои цели, не находя пока единого «общего языка» – предтечи стабильности в тройственном формате.

Из экономических, политических и силовых критериев, требуемых для глобального лидерства, США отвечают всем трём. Китаю до недавнего времени недоставало и пока не полностью хватает глобального авторитета и влияния, что он и старается активно наверстать. Россия существенно отстаёт от двух этих стран по экономическим параметрам.

Конфронтационные расхождения США с КНР и Россией стали главной причиной резкого ухудшения глобальной геополитической ситуации. Один из двух лидеров прошлого биполярного мира – Америка – вознамерился это лидерство сохранить, но исключительно на монополярной и перманентной основе.

Устремления к глобальному лидерству Китая, официально им не признаваемые, но подпитываемые присущим ему комплексом «китаецентризма», оправданы в его собственном разумении.

Россия как правопреемница СССР, фактически утратив статус «великой державы», стремится к его восстановлению путём территориальных приращений и за счёт укрепления силовой мощи. Россия и Китай согласны, что грядущее мироустройство должно быть многополярным, но на детали того, как этого достигнуть, имеют расхождения во взглядах.

Процесс продвижения к стабильной модели мироустройства, понимаемой тремя сторонами по-разному, инициировал очередную борьбу, но уже не идеологическую, как в прошлом – коммунизма с капитализмом, – а противоборство цивилизационных систем в парадигме, условно именуемой «Восток-Запад», которое было запущено выстраиванием Америкой монополярной структуры мира, настроенного «под неё» и руководимого ею. Запад во главе с США руководствуется собственной аксиомой, гласящей, что иная, отличная от западной культура, «неспособна стимулировать экономический и технологический прогресс, а посему каждая желающая развиваться страна должна принять западные стандарты и ценности и согласиться с «построением мира по правилам», в основу которых и положена концепция монополярности.

Недовольство КНР и России этим постулатом, шагами США по его реализации и сопротивление им вызвали у Запада чувство нетерпимости и решительное желание расправиться с несогласными.

При биполярности прошлого века граница между полюсами проходила через разделённые страны (ГДР/ФРГ на западном её фланге и КНДР/Южная Ко-

рея, ДРВ/Южный Вьетнам – на восточном). Ныне такого чёткого разграничения противоборствующих сторон не наблюдается.

Линия так называемого «цивилизационного разлома» проходит, в том числе, и через территорию бывшего СССР, где размещается теперь ряд независимых государств, часть которых уже вошла в НАТО, другая стремится туда попасть, а некоторые (Россия, Белоруссия и др.) сопротивляются этому.

Российской Федерации по её предназначению и сути, отраженной в гербе с двуглавым орлом, и призванной быть междивилизационным объединителем и балансиром между Западом и Востоком, выпала незавидная участь стать полем битвы в начавшейся «цивилизационной» борьбе.

Состав «западной коалиции» во главе с США и НАТО в массе своей однороден или во многом схож политически, хотя включает и страны, географически, традиционно и в культурном плане относящиеся скорее к Востоку, нежели к Западу – Японию, Южную Корею, Турцию и пр.

В «восточной коалиции», состав которой более условен, в том числе, в политическом отношении, экономически доминирует КНР. По цивилизационной и географической принадлежности к ней могут быть отнесены страны Восточной и Юго-Восточной Азии, с которыми Пекин поддерживает деловые связи. В то же время по политическим и иным причинам некоторые из них, включая Вьетнам, Индонезию, Филиппины и ряд других, сторонятся Китая, проводя свой независимый, а порою антикитайский курс.

Особняком стоит Индия, за благорасположение которой ведётся борьба, и которая, с одной стороны, не отказывается от участия в форматах и структурах «восточной группы» (РИК, БРИКС, ШОС), однако одновременно проявляет тягу к участию в созданных под патронажем США объединениях, таких как «Четвёрка» (*QUAD*), где, кроме Америки, присутствуют Австралия и Япония.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – одна из структур, символизирующих определённую опору для функционирования «восточной коалиции» в отличие от «западной», где всеми процессами верховодит НАТО во главе с США. Большой частью ШОС исполняет роль координационного центра и «дискуссионного клуба» для небольшой группы стран, ряд которых одновременно является и участницами этого «восточного» сегмента.

Причины разгорающегося через призму китайско-американских отношений «конфликта цивилизаций», определения общих закономерностей хода исторического процесса и действия законов его диалектического развития являются составной частью проблемы борьбы нового со старым.

Западная цивилизация практически исчерпала себя, вступив в полосу заката, не генерируя более позитивных идей и сводя вклад в мировую сокровищницу достижений в основном к физиологическим новациям – попыткам преодоления рамок человеческой природы, культивированию трансгуманизма, трансгендерства, однополых браков, потере национальной идентификации.

Восток же, наоборот, задаёт тон в развитии экономики, сферы высоких технологий, в прогрессе цифровизации. Сегодня исключительна, например, роль Тайваня в производстве микрочипов, что признано во всем мире. Стратегическое противостояние КНР и США, олицетворяющих конфликтующие «цивилизационные полюса», в том числе и поэтому всё острее усиливается на разных направлениях и становится «новой нормальностью» в международных отношениях.

КНР – США

Несмотря на заверения со стороны КНР в отсутствии гегемонистских амбиций, её попытки добиваться позиции мировой сверхдержавы, по существу, равной США, то есть воссоздания некоей «новой биполярности», становятся все явственнее, что, безусловно, повышает конфронтационные риски и вместо возведения многополярной конструкции реально грозит ввергнуть мир в состояние глобальной стратегической «неопределённости».

Не выдвигая официальной цели достижения мирового лидерства, а напротив, всячески открещиваясь на словах от стремления к глобальному доминированию, в реальности Пекин занят изысканием путей укрепления собственного авторитета и усиления влияния в различных регионах, с помощью чего рассчитывает занять центральное место на «мировом Олимпе».

Если Б. Обама, ратуя за «кимерику», видел в Китае лишь «подручного» по доминированию в мире, то ныне речь идёт о том, как этот мир поделить. Недоговорённости в этой сфере грозят серьёзной конфронтацией, а в самом худшем случае – войной.

США же важнейшей целью своей китайской политики считают недопущение ещё большего усиления КНР, которая в отношениях с ними занята изысканием путей сдерживания антикитайских шагов Вашингтона, дополняя это разумно дозированными ответными реакциями на его выпады.

Главным геополитическим вызовом для США в нынешнем веке, основная составляющая которого – амбиции в сфере лидерства, считает Китай глава ЦРУ Уильям Дж. Бёрнс. Так называемая «торговая война», начатая ещё Д. Трампом, стала, по существу, стартом борьбы двух мировых гигантов за право потенциального руководства формирующимся миропорядком. На первом этапе конфронтации основным инструментом в дуэли этих двух мировых гигантов стала «стратегия размежевания»: от существенного снижения объёмов двусторонней торговли – к аналогичным процессам в высокотехнологичной и финансовой сферах, к свёртыванию культурных и образовательных связей. По данным Американо-Китайского делового совета, экспорт в КНР обеспечивал в США 858 тыс. рабочих мест, в 2018–2020 гг. Америка потеряла 245 тыс. из них. С учётом того, что за последние 20 лет ВВП КНР вырос в 13 раз, Китай был близок к тому, чтобы начать диктовать свои условия, когда его рынок (15 трлн долл.) превзойдет американский (22 трлн долл.). В то же время при угрозе санкций со стороны США китайский частный сектор предпочитал сохранять доступ на него.

За последние десятилетия Китай сделал всё для своей технологической, торговой и финансовой самостоятельности, но предполагал работать над этим ещё лет 10–15, чтобы создать свою полностью независимую промышленность. Однако прогресс китайской экономики и конкуренция с её стороны категорически не устраивают Вашингтон, и особенно то, что её рост осуществляется в неподконтрольном Америке политическом русле в отличие, например, от ситуации с Японией в 1960-е годы, когда с помощью политического воздействия её бурное экономическое развитие удалось купировать.

Как известно, власть у того, в чьих руках деньги. Поэтому вопрос мировой валюты, доллара и ревальвации по отношению к нему юаня является ключевым в отношениях двух стран с начала нынешнего века.

Хотя стоимость китайской рабочей силы уже давно не самая дешёвая, как было раньше, более высокая покупательная способность китайской валюты даёт

возможность КНР, привлекая квалифицированные кадры, создавать продукцию мирового уровня и расширять применение инновационных технологий. Китай более не удовлетворяет роль «сборочного цеха» для Вашингтона, которую тот по-прежнему считал бы для себя идеальной. Его категорически не устраивает цель КНР – не дать себя изолировать, догнать и перегнать США, причём не только в экономике, но и по политическому весу, став главным мировым полюсом.

Но навязать миру, в отличие от Вашингтона, собственную повестку со своими интересами и ценностями Пекину пока не удастся. У США сохраняется больше экономических, политических и силовых возможностей.

Тактика «невмешательства и нейтралитета» Китая в отношении большинства проблем, не затрагивающих его самого, отчасти лишает голос Пекина глобального звучания. Принцип «невступления в союзы» резко ограничивает количество реально близких по духу друзей и партнёров, а большинство «сочувствующих Китаю» ожидают от него в основном финансовых инвестиций. Эгоцентричность национального китайского менталитета способствует глобальному росту китаефобии, сдерживать которую приходится с помощью экономических и силовых методов.

В отношениях Китая с США исключительно опасная ситуация складывается вокруг Тайваня, постоянно используемого Америкой в качестве рычага давления на КНР. Фактически Вашингтон не считает себя более обязанным исполнять договорённости, зафиксированные в китайско-американских коммюнике.

После начала российской операции на Украине роль Тайваня в китайско-американском конфликте возросла многократно. И можно констатировать, что, наряду с проходящей по территории бывшего СССР «западной границей» конфликтующих сторон, «восточным рубежом» «цивилизационного противоборства» грозит стать Тайваньский пролив.

Пекин, естественно, намерен ускорить решение «тайваньской проблемы» в свою пользу, исходя не только из этно-исторических, но и из технологических соображений. Полное владение Тайванем для Китая – не просто выполнение исторического долга, а залог лидерства, причём не только в микроэлектронике и технологиях, но, прежде всего, в мировой экономике, политике и военной сфере. В этом главная причина, по которой Пекин хочет полностью подчинить Тайвань, а Вашингтон – сохранить в неопределённом статусе или, что ещё предпочтительнее, сделать независимым от КНР.

Безусловно, идеальным сегодня для США в тайваньском вопросе мог бы стать возврат к ситуации «второго Китая», существовавшей до 1971 г., когда Тайвань представлял всю страну в ООН, а КНР находилась за пределами этой всемирной организации и была лишена возможности не только глобального доминирования, но и обыкновенного влияния. Понятно, что это категорически невозможно теперь.

Прогнозы относительно перспектив американо-китайских отношений существуют разные. Так, в КНР некоторые специалисты полагают, что сценарий «вооружённого объединения» Тайваня и материка начнёт реализовываться после XX съезда КПК и завершится в 2027 г. – к 100-летию образования НОАК.

Один из реальных путей урегулирования тайваньского кризиса российским китаеоведам видится в переходе КНР от концепции «одна страна – две системы» к ориентации на формирование конфедеративного государства. (Эта мысль была высказана, в частности, доктором философских наук, профессором В.Г. Буровым).

Американские аналитики, однако, считают Китай не готовым к войне с США за Тайвань, исходя из экономических факторов. Они полагают, что «китайская экономика находится в напряжении, и когда объединённые силы мировой экономики начнут действовать против Китая, последствия для него будут катастрофическими, и сами китайцы не захотят этого».

Ещё одним определяющим фактором является состояние вооружённых сил КНР, в первую очередь, военно-морского флота, поскольку битва за Тайвань связана с морскими операциями.

Хотя китайский флот ныне считается вторым по боевой мощи в мире, он пока не продемонстрировал в полной мере своих реальных боевых качеств. Захват многочисленных островов в Южно-Китайском море не равен боевому столкновению с могучим и грозным противником, что в силу известной взвешенности, осмотрительности и неторопливости китайской стороны в ближайшее время ожидать проблематично, а без военных действий в зоне Тайваньского пролива третья мировая война вряд ли начнётся.

Скорее всего, Си Цзиньпин, получивший очередной пятилетний мандат на руководство страной, будет стараться использовать по максимуму этот срок для продолжения попыток мирного объединения Пекина с Тайбэем. И лишь в случае, если к концу его результата добиться не удастся, может отважиться на силовой сценарий.

С утверждением Си на XX съезде КПК лидером Китая ещё на пять лет чётче и конкретнее определились главные внешнеполитические приоритеты и лейтмотивы современных китайских устремлений. Выстраивание международных отношений «нового типа», исключая «игру с нулевой суммой», успех одних, в которой достигается за счёт других, – вот идеал, пропагандируемый новым министром иностранных дел КНР Цинь Ганом.

Следует, однако, иметь в виду, что при текущих тенденциях «общий выигрыш», отстаиваемый Китаем, представляет угрозу лидерству США, а его стремление избежать резкой конфронтации вполне может сохранять американо-китайское соперничество в контролируемых рамках, несмотря на кажущиеся порою резкими взаимные выпады сторон.

В отличие от России, призвавшей «Посланием» В. Путина к полному размежеванию с Западом на всех уровнях – в безопасности, политике, экономике, культуре и этических вопросах, – Китай предлагает выбор на будущее между парадигмой XX века с его конфликтами и потрясениями, и альтернативной парадигмой достижения общего блага для всего человечества.

Он не навешивает ярлыков, указывающих, кто прав, а кто виноват. По разумению Китая, конфликт вреден всем, эскалация к конфронтации опасна для крупных держав. В украинском вопросе требуется не только диалог двух сторон, но и диалог России с коллективным Западом в лице США, ЕС и НАТО, необходима сбалансированная и устойчивая система европейской безопасности.

В то же время нельзя не заметить, что, принимая во внимание сохранение в значительной степени архаичности в характере многополярного мира или «мира без гегемона», Китай не хочет втягиваться в глобальный конфликт с западными странами, рискуя потерей европейского и американского рынков. Именно поэтому, как отмечала «Нью-Йорк таймс», «Пекин стремится занять позицию «над схваткой» и осторожен в поддержке России».

Огромная взаимная торговля Китая с США и Европой удерживает стороны от сваливания в конфронтацию. Так, по итогам 2022 г. объём китайско-

европейской торговли достиг 847 млрд долл. США, а китайско-американской превысил 700 млрд долл. При этом объём китайско-российской торговли, по данным Главного таможенного управления КНР, составил 188,5 млрд долл., или на 29,2% больше показателя 2021 года.

РОССИЯ – США

Главная причина ухудшения российско-американских отношений не в событиях на Украине или в так называемые «аннексии Россией Крыма», а в том, что на рубеже 2008–2009 гг. администрации республиканцев и демократов, сменявшие друг друга у власти в США, проглядели «закат» однополярности и, сочтя урегулирование последствий распада биполярной системы окончательно завершённым, сбросили Россию со счетов как «глобального игрока».

Ныне США и НАТО опасаются возрождения мощи России и стремятся сдерживать её на международном уровне. Хотя конфликт США с КНР в потенциале не исключался, военная опасность со стороны Китая до последнего времени представлялась Америке гораздо меньшей, чем со стороны России, с которой у США, в отличие от Китая, нет объединяющих точек соприкосновения. И в самих США ещё недавно звучали противоречивые рассуждения о том, кто для них опаснее – КНР или Россия: обе страны числятся на ведущих местах в списке главных противников Америки. Аналогичным образом выглядел список «главных врагов» России, определяемых по количеству санкций, введённых против неё (на середину мая 2022 г.): 1) США (1983); 2) Канада (1402); 3) Швейцария (1361); 4) Великобритания (1360); 5) Евросоюз (1199); 6) Австралия (1150); 7) Япония (902).

Спецоперация России на Украине коренным образом изменила геополитическую ситуацию не только в Европе, но и в мире в целом. В планах США и НАТО изначально значилось формирование на западе Украины «рубежа обороны» и создание без мандата ООН «прозападной Украины» со столицей в Львове с последующим отторжением её от основной украинской территории и присоединением к Польше. Близкую к подобному плану идею, связанную с «ликвидацией границы между Украиной и Польшей», озвучил во время визита в Варшаву в апреле 2023 г. президент Украины В. Зеленский.

Произошло усиление НАТО путём приглашения в его состав Финляндии. С началом военных действий на Украине усилился рост антироссийских настроений в Европе. По данным на середину мая 2022 г., в самой Финляндии число сторонников вступления в альянс составляло 76% её населения. Этим вступлением в НАТО одной из наиболее нейтральных в прошлом в отношении России стран Запад попытался обесценить итоги её операции на украинской территории.

Некоторые политологи в своих прогнозах оценивают сложившуюся глобальную ситуацию как патовую и предрекают её сохранение, в том числе, с продолжением СВО, чуть ли не на десятилетия.

Очевидно, что главным и решающим для продвижения к новой структуре мироустройства должен стать переход от парадигмы конфронтации к парадигме кооперации, от восприятия мира как средоточия конфликтов и противостояний к осознанию необходимости его развития в русле взаимодействия и сотрудничества и постепенной замены принципа баланса сил на баланс интересов. Вопрос в том, готовы ли к этому все стороны треугольника, каждая по своему претендующая на мировое лидерство?

Путь к нормализации – раньше или позже – отношений России с США неизбежен и видится не в углублении противостояния, подстегиваемого американскими и отечественными СМИ, а в поисках и согласовании компромиссов, приемлемых для нас и привлекательных для соперников, несмотря на существующую в российских верхах убежденность, что «достижение их в нынешней ситуации нереально». Многое будет зависеть от намеченных на 2024 г. президентских выборов в США. О смене власти на Украине лишний раз и напоминать не стоит: необходимость её очевидна. Нужно постоянно помнить, что единственной альтернативой компромиссам является война, которая на Украине уже идёт и грозит из региональной перерасти в глобальную.

РОССИЯ – КИТАЙ

Россия, связи которой с Китаем именуется стратегическим партнёрством и взаимодействием, и склонная солидаризироваться с КНР в основном по общеполитическим проблемам, расходится, однако, с ней по целому ряду конкретных вопросов. Среди них – различия во взглядах на экономическое развитие Центральной Азии, деятельность ШОС и других региональных структур; особая позиция Пекина по Крыму, свой аналогичный подход он несколько смягчил недавно в отношении территориальных споров РФ с Японией. КНР была солидарна с США по арктической тематике; не желает участвовать в многосторонних переговорах по разоружению.

Китай не поддержал Россию в блокировании резолюции Совбеза ООН по химическому оружию в Сирии, МИД КНР солидаризировался при Трампе с американскими акциями в адрес Пхеньяна, одобрил проект заявления США с осуждением северокорейских ядерных испытаний.

Наконец, Пекин относится к спецоперации РФ на Украине фактически двусмысленно: призывая к скорейшему её прекращению, выдвинул собственный план из 12 пунктов по урегулированию российско-украинского конфликта. В то же время Китай отказался осудить вторжение на Украину; сожалеет, что конфликт уносит жизни; призывает «не подливать масла в огонь» односторонними санкциями и поставками оружия; подчёркивает необходимость уважать суверенитет и безопасность всех стран. Иными словами, в отношениях с Россией Китай занял позицию «дружественного нейтралитета», поддерживая, с одной стороны, Украину с позиции осуждения «нарушения территориальной целостности и соблюдения невмешательства во внутренние дела», с другой – первопричину военных действий со стороны России оправдывает «продвижением НАТО на восток, угрожающим её безопасности и ключевым интересам».

Многие наблюдатели считают, что Китай укрепит политические и экономические позиции по итогам украинского кризиса; сможет получать российское сырьё по приемлемой цене за юани; займёт место европейских производителей в ряде сегментов российского внутреннего рынка. Одновременно, кризис, вероятно, усложнит для Китая возможность использования украинских каналов приобретения советских и российских военных технологий, которыми он до недавнего времени активно пользовался, вытянув из украинского ВПК всё, включая многие космические и авиационные разработки.

Суть поведения Китая в украинском кризисе позволяет сохранить особые отношения с Москвой, одновременно не испортив окончательно отношения с ЕС. Пекину крайне важно не допустить создания антикитайской коалиции США и Евросоюза.

Путём проецирования украинской ситуации на тайваньскую проблематику Пекин пытается выстраивать свою собственную систему геополитических связей, стремясь утвердиться в качестве нового центра будущего мирового полюса. С этим связано и изменение отношения к Ирану, включая рамки ШОС, который рассматривается теперь как страна, обеспечивающая для Китая выход в страны Ближнего Востока и Центральную Азию для реализации проекта строительства Нового шёлкового пути. Можно полагать, что рычаги и механизмы давления, которые могут вынудить США «умерить свой пыл», у КНР имеются.

В то же время, несмотря на проблемы в американо-китайских отношениях, *заинтересованность Китая в торгово-экономическом и научно-техническом партнёрстве с США пока несопоставимо выше аналогичного интереса к России.*

Чтобы не усугублять отношения с Америкой ещё больше, обе стороны признали разумным и рациональным не переводить своё стратегическое партнёрство в формат официального союза. Ведь ключевой вопрос состоит в том, станет ли в результате его формирования в остальном мире безопаснее, спокойнее, лучше и надёжнее? Или ситуация ещё более усугубится, и дальнейшее скатывание в пропасть примет уже необратимый характер?

Недавний визит Си Цзиньпина в Россию, разрекламированный в наших СМИ, помимо заявлений о грандиозных планах экономического сотрудничества и взаимодействия, не принес чего-либо принципиально нового, о чём не говорилось бы на протяжении последних 20 с лишним лет со дня подписания большого Российско-Китайского договора.

Пожалуй, новым значимым жестом можно считать лишь приглашение китайского лидера премьеру РФ М. Мишустину посетить КНР наравне с президентом В. Путиным. Очевидно, к нему хотя и «приглядеться» как к «потенциальному преемнику».

Радикальных прорывов в отношениях в результате визита может не произойти, как уже случалось неоднократно. Пропагандистскую кампанию вокруг него можно оправдать лишь расчетом «надавить на Запад», подвигнув его в направлении примирения по основным вопросам, включая украинский.

Что касается отношения к России в самом Китае, то, по мнению видных российских экспертов (например А. Ломанова), там есть инерция недоверия, непонимания российских проблем. В китайских рассуждениях встречаются тезисы о том, что Россия постоянно стремится к экспансии, что это очень воинственная страна, которая страдает от неизбывных цивилизационных комплексов и геополитических амбиций, чем отличается от Китая, который тянется к гармонии, умеет налаживать отношения со всеми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Каким должен стать новый миропорядок – однополярным, вновь биполярным или многополюсным – во многом зависит от международного поведения и взаимоотношений членов «большой тройки». Союз России с одной из сверхдержав против другой с неизбежными ответными шагами противной стороны дисбалансирует мироустройство ещё сильнее, сделает его более хрупким, затормозит процесс его окончательного оформления.

2. Мировые войны, как правило, это всегда кровавое подведение итогов одного цикла глобального развития и предтеча следующего. Но смены циклов обязательно должны завершаться войнами.

3. Консенсус РФ и КНР относительно многополярности мироустройства помогает сдерживать реализацию планов США по формированию однополярного мира, вынуждает Америку расплывать силы между европейским и тихоокеанским флангами, ослабляя тем самым вероятность возникновения военных действий.

4. Одна из двух ведущих мировых экономик – Китай – стремится к упрочению глобального политического статуса и, несмотря на заверения об отсутствии гегемонистских амбиций, всё яростнее пытается добиться позиции мирового лидера, по существу равного по силе США, то есть иными словами – воссоздания некой «новой биполярности».

5. Украинская ситуация коренным образом меняет геополитический контекст в мире. Но изоляция России западным блоком и лишение её возможности полноценно участвовать в мировой политике не должны стать поводом для её самоизоляции. В рамках «треугольника» возможности усиления взаимодействия с Китаем у неё увеличиваются.

6. Однако строить взаимоотношения с ним следует с позиции сильного партнёра, не торопя ответную реакцию визави, не навязываясь с инициативами или проектами, заставляя КНР делать шаг первой. Укрепление и расширение партнёрства с Китаем следует осуществлять избирательно: экономическое – поощрять и усиливать, а к силовому относиться максимально аккуратно. Россия нужна Китаю не только как источник сырья, но и как боевая сила, потенциально годная для участия в его борьбе с США. При этом реально помочь ей на Украине он не стремится. Поэтому официальный союз с КНР нецелесообразен.

7. Во избежание мировой войны не следует прекращать поиск путей улучшения взаимоотношений с Западом, исходя из того, что формирование оптимальной модели будущего мироустройства – единственный способ цивилизованного сосуществования различных систем.

8. Россия должна сыграть в итоге свою главную роль – связующего звена, «моста и балансира» между Западом и Востоком. Поэтому становиться категорически врагом США и всецело объединяться с Китаем ей не стоит. Компромисс между противоборствующими сторонами должен достигаться за счёт формирования новой геополитической конфигурации на основе прекращения территориальных конфликтов и установления стабильных разграничений в отдельных субрегиональных центрах. *Двуглавый орел, всё внимательнее и пристальнее взирающий одной из своих голов на Восток, не должен закрывать глаза у той, которая обращена на Запад.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДАВЫДОВ Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д.32.

Andrey S. DAVYDOV, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Center “Russia, China and the World” of the Institute China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023 / Received 25.04.2023.

Поступила после рецензирования 10.05.2023 / Revised 10.05.2023.

Статья принята к публикации 11.05.2023 / Accepted 11.05.2023.